

Брестский урок

Пора научиться делать выводы из истории

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

90 лет назад, 3 марта 1918 г., в провинциальном белорусском Бресте (тогда он еще в отличие от французского Бреста назывался Брест-Литовск) был подписан так называемый “мирный договор” между Германской империей и Советской Россией.

Согласно этому договору, от России отторгались огромные территории, судьба которых “вверялась” Германии и ее союзникам; Россию обязали выплачивать непосильную контрибуцию, сумма которой могла быть в любой момент односторонне увеличена; России предстояло полностью разоружиться. Но и этого было мало – текст договора изобиловал оговорками, которые позволяли немцам в любой момент возобновить военные действия, не говоря уже о том, что продвижение германской армии на Украине не подпадало под “установление мира”. Рейх торжествовал победу: кольцо окружения было прорвано, и он мог, наконец, сосредоточиться на Западном фронте.

И тем не менее Брестский договор отозвался не сигналом фанфар, возвещающим начало германской эры в Европе, а первыми тактами похоронного марша, сопровождавшего окончательное поражение рейха, возмечтавшего об установлении мирового господства. Заглоченный кусок оказался слишком большим – рейх подавился.

Путь к Бресту

России пришлось принять все требования немцев по той простой причине, что у нее не осталось армии.

Западные историки кривят душой, утверждая, что русская армия никуда не годилась и с самого начала Первой мировой войны покатила назад.

Неподготовленное и потому закончившееся трагически вторжение рус-

ских войск в Восточную Пруссию в первые военные недели 1914 г. имело решающее значение для исхода войны, потому что помогло французам выстоять в битве на Марне – немцам пришлось перебросить часть войск на Восток, чтобы прикрыть дорогу на Берлин. Брусиловский прорыв 1916 г. снова заставил рейх ослабить давление на

Западном фронте, чтобы предотвратить катастрофу на Восточном. Однако когда в 1915 г. немцы сосредоточили свои военные усилия на Восточном фронте, союзники не поспешили на помощь России.

Беда в том, что русские политики не сумели доходчиво объяснить своим солдатам, за что они должны погибать в окопах, в то время как положение в стране становилось все более напряженным. Для краха царизма было много социальных причин, но поводом стала, по мнению народа, бессмысленная гибель людей на войне.

Февральская революция 1917 г. оставила открытым главный на тот момент вопрос – вопрос о мире. Именно его решение стало одним из двух главных лозунгов, под которыми пришли к власти большевики. Правда, их лозунг совершенно нереалистически требовал “мира без аннексий и контрибуций”, но это уже были детали.

26 ноября 1917 г. были установлены первые контакты советской власти с немцами. На приглашение союзникам принять участие в переговорах о мире ответа не последовало. Немцы отклонили предложение провести переговоры в нейтральной стране. В итоге 3 декабря представители Советской России прибыли для ведения переговоров в расположенную в Бресте штаб-квартиру “Верховного главнокомандующего на Востоке” принца Леопольда Баварского.

На первом этапе, на котором речь шла о заключении перемирия, российскую делегацию возглавлял большевик Адольф Йоффе, журналист, психиатр по профессии, который стал впоследствии первым советским полпредом в Берлине. О перемирии договорились быстро, трудности остались на второй этап.

Собственно переговоры об условиях заключения мира вел с 7 января

1918 г. уже сам народный комиссар по иностранным делам Лев Троцкий.

Требования рейха с самого начала являлись неприемлемыми для России, от которой требовалось, в частности, согласие на передачу “победителям” 170 тыс. кв. км территории и выплату репараций на фантастическую сумму 6 млрд. золотых рейхсмарок.

Вполне правдоподобны позднейшие уверения Троцкого, что его идея отказаться от заключения договора на такой основе первоначально не встречала возражений в руководстве партии и государства. Большевики возлагали все надежды на европейский, в первую очередь германский, пролетариат, который, по их расчетам, “не оставит в беде” русскую революцию. После того, как рейх 9 февраля заключил “сепаратный мир” со своей украинской марионеткой гетманом Скоропадским, Троцкий решил, что время пришло.

10 февраля глава советской делегации выступил с хлесткой речью, в которой, в частности, говорилось: “Мы выходим из войны. Мы объявляем об этом всем народам и правительствам. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий.

Одновременно мы заявляем, что предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии условия находятся в фундаментальном противоречии с интересами всех народов.

Мы отказываемся подписывать условия, которые германский и австро-венгерский империализм штыком пишет по живому телу народов. Мы не можем ставить подпись русской революции под мирным договором, который несет миллионам человеческих существ угнетение, страдания и несчастья”¹.

Другими словами, в ожидании мировой революции Троцкий предлагал установить в отношениях между Россией и рейхом состояние “ни мира, ни войны”.

В принципе Германия могла бы пойти на такое решение: обессилившей России, которая к тому же стремительно скатывалась в пропасть гражданской войны, опасаться не приходилось. В то же время возникали условия для концентрации всех сил на Западном фронте, где германское главное командование готовило “последний, завершающий удар”. Однако в руководстве рейха возобладала алчность – как можно отказаться от представившейся возможности безнаказанно поживиться за счет лишнего способности сопротивляться соперника! Рейхсканцлер и кайзер приказали: “Наступать!”, и 18 февраля германские войска двинулись вперед на всем протяжении Восточного фронта.

Один из германских генералов (Макс Хофман) говорил тогда о “самой комичной войне, какую я только знаю. Она происходит исключительно с помощью поездов и автомобилей. Мы сажаем горстку пехотинцев с пулеметами и пушкой в поезд и отправляем его к ближайшей станции. Они занимают станцию, арестовывают пару большевиков, забирают с собой еще немного солдат и едут дальше”².

Осознание катастрофического провала затеи Троцкого не заняло много времени. Авантюристическое предложение Николая Бухарина объявить Германии “революционную войну” пришлось отклонить из-за полного отсутствия воинских формирований, способных ее вести. Старая армия развалилась, а новой еще не было.

23 февраля был издан декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии, но до его реализации оставался еще длительный и тернистый путь.

Последствия Бреста

Для того, чтобы вести войну, нужны войска. Для того, чтобы расширять оккупированную территорию,

Уже 19 февраля российские представители передали немцам, что готовы подписать договор на любых условиях.

28 февраля делегация Советской России с соответствующими полномочиями прибыла в Брест.

1 марта состоялось первое заседание с участием всех делегаций – переговоры как таковых не велось; требования немцев и их союзников молча принимались к сведению. Во второй половине дня 3 марта договор был подписан; его модальности были еще более тяжелыми, чем это предусматривалось первоначально.

Но главное – подписание Брестского договора вовсе не означало, что рейх прекращает военные действия против России.

Германские войска продолжали воевать повсюду – в Прибалтике, в Белоруссии, на Украине, на Кавказе. Под ударом оказалась российская столица – переезд советского правительства в Москву 12 марта был вызван опасениями, что немцы захватят Петроград.

В апреле армии рейха оккупировали Крым, в июне немцы высадились в Грузии и двинулись на Баку.

Только революция в Германии 9 ноября 1918 г. и капитуляция рейха на Западном фронте два дня спустя помешала альпийским стрелкам из Баварии выйти к нефтяным вышкам Апшерона.

13 ноября Москва аннулировала Брестский договор как унизительный и несправедливый. Но и после этого не все немецкие солдаты очистили российскую территорию – в Прибалтике и Финляндии продолжали вести военные действия участники так называемых “добровольческих корпусов”.

нужны войска. И для того, чтобы держать в подчинении оккупированную территорию, также нужны войска. По-

скольку на Востоке рейх всем этим занимался, то получилось, что, несмотря на выход России из войны и подписание Брестского договора Германии пришлось держать на Востоке многочисленные контингенты войск, которых ей так отчаянно не хватало на Западе.

Таким образом, Восточный фронт продолжал сковывать действия Германии даже после того, как он, по всем внешним признакам, перестал существовать.

Брестский договор и обстоятельства его заключения показали всему миру, что его ожидает в случае германской победы. Этот пример помог странам Антанты мобилизовать все оставшиеся силы для сопротивления наступающим германским армиям. Оставшись один на один с рейхом, Запад стал драться с мужеством отчаяния и одолел с помощью только что вступивших в войну США уже изрядно потрепанных немцев с их голодающим тылом.

Версальский мирный договор, продиктованный Германии победителями, был разработан под влиянием положений Брестского мира. Возможно, он не был бы таким суровым, если бы поведение Германии в Бресте было бы более цивилизованным. Во всяком случае, если сравнивать эти два договора, то нельзя не признать, что Брест был значительно более варварским документом, чем Версаль.

Имеется возможность установить, к каким последствиям привел бы Брестский договор, если бы у Германии подольше сохранялась свобода рук на Востоке.

В Баварском государственном историческом архиве среди материалов за 1916 г. хранится несколько меморандумов и памятных записок (часть из них с грифом “секретно”), которые были призваны подготовить послевоенную

политику рейха в отношении России. Каждый из них заслуживает внимания, но наиболее детально разработанными являются два из них.

Основные тезисы распечатанного в Берлине трактата *Сильвио Бредерих-Курмалена*, видного политика из числа прибалтийских немцев, под заголовком “Новая земля на Востоке”³, сводятся к следующему:

– **Германия может помириться со странами Западной Европы, но не с Россией:** “Пропать между азиатско-монгольской и европейской культурами разделяет германца и москвитянина – здесь взаимопонимание невозможно!”;

– Россия поощряет “коммунистическое землепользование” и “коммунистические крестьянские товарищества” (надо полагать, автор имел в виду традиционное для России общинное землепользование и крестьянский мир);

– **Россия “хочет не только завоевать позиции хозяина мира, не только присоединить к себе Восточную Германию, но и сломить германское экономическое влияние в России”;**

– **Балтийское море необходимо превратить во “внутреннее германское море”;** для этого “следует присоединить к Германскому рейху Литву и прибалтийские провинции, что станет наградой для этой старейшей колонии Германии за верность, с которой она на протяжении столетий хранила свою культуру”;

– **территориальные приращения должны “гарантировать на все времена обеспечение продовольствием в границах собственного рейха** и дать землю для заселения крестьянами, которые в образцовом порядке будут крепить и продвигать мощь нашего народа”;

– **в войне против России Германия выполняет европейскую миссию:** “На Востоке германский народ воюет также за будущее и спасение наших врагов

на Западе, ибо гибель Германии приведет всю культуру Западной Европы к зависимости от России”.

Меморандум кенигсбергского профессора **Фридриха Лециуса**⁴ можно рассматривать как дополнение и конкретизацию труда Бредерих-Курмалена. Главные положения профессорских изысканий гласят:

– “Сохранение российской мировой империи в ее нынешнем объеме несовместимо с нашей безопасностью”; у **России “следует отобрать ее приграничные территории**. Они должны быть переданы нам или стать самостоятельными”;

– прежде всего **надо создать самостоятельную Украину под протекторатом рейха**, территория которой распространялась бы до Кавказа и включала бы в себя область великорусских донских казаков, “отрезая, таким образом, Московию от Черного моря”;

– к **отделенной от России Финляндии предстоит присоединить Архангельскую губернию** “с богатым медью и каменным углем Кольским полуостровом и незамерзающим мурманским берегом, а также Олонец с его залежами руды”; “разумеется, мы должны взять на себя защиту Финляндии”;

– **остальные окраины России должны быть отделены, но не становиться самостоятельными** – **Белоруссии нельзя предоставлять самостоятельность**, “поскольку она все равно примкнет к единовой Москве, а нам нужна земля для размещения в будущем наших переселенцев”; **Кавказ будет передан Турции**, которая станет германским протекторатом; **Польша делится между Германией и Австрией**; **Литва и прибалтийские “буферные государства” включаются в состав рейха**;

– **Россию необходимо полностью отрезать от Балтийского моря**, сделав Лиепаю и Кронштадт базами германского военного флота; следует также на 30

лет оккупировать Петербург, чтобы обеспечить выплату Россией контрибуции;

– **полученные рейхом области должны быть “очищены” от проживающих там людей**: “В последнее время принципом германской политики стала допустимость приобретения территории без ее населения, чтобы получить необходимую для заселения землю, которая нам нужна, если мы не хотим задохнуться в невыносимой тесноте нынешней Малой Германии”; имеющееся население, включая “политически нежелательные элементы”, подлежит переселению в Сибирь – конечно, летом, потому что это более “гуманно”, чем зимой.

Приведенные цитаты весьма наглядно показывают, что нацистское безумие появилось не на пустом месте и его нельзя толковать как некую неисповедимую “ошибку германской истории”.

Нацизм произрос на вполне унавоженной почве немецкого национализма и шовинизма, которые задолго до поражения 1918 г. и “позора Версаля” выработали детальную программу грабежа и уничтожения соседних народов.

Брест был первой попыткой претворения в жизнь этой программы. Вторая попытка, предпринятая Гитлером, отличалась от нее лишь масштабами, а не по существу.

Кстати, продолжатели Бреста нашлись не только в Германии. В период иностранной интервенции, обрушившейся на истекающую кровью Россию после 1918 г., кто только не старался оторвать от нее кусок пожирнее – тут были и англичане, и французы, и американцы, и японцы, и поляки ...

Было поистине чудом, что Россия устояла в этой смертоносной круговерти!

Но как только выяснилось, что она вновь крепко стоит на своих ногах, мир заторопился с восстановлением ее

равноправия в международных делах. В 1922 г. был заключен первый российско-германский договор в Ра-

палло, а немного позже, в 1924 г., началась “полоса признания” Советской России.

Призраки Бреста

На Западе нашлось немало политиков, склонных по существу приравнять дезинтеграцию Советского Союза к реализации Брестского диктата. Даже уже медалей для себя начеканили “За победу в холодной войне”. Кое-какие параллели действительно напрашиваются – западные и южные границы России, например, в опасной степени приблизились к контурам XVII в. Да и денег выплатила она “победителям” немеренно. И экономика лежала в руинах. И армия была практически развалена.

Как ни странно, но это был период, когда вся Россия – и правители, и управляемые – держали открытыми объятия для бывших противников и соперников практически на любых условиях (что тоже напоминало Брест). Вероятно, Запад мог бы тогда иметь Россию в качестве сателлита и поставщика сырья без собственной воли и амбиций.

Но этого ему показалось мало (и здесь прослеживается сходство с отказом немцев в Бресте удовлетвориться положением “ни мира, ни войны”):

– Без малейшего повода со стороны России начался марш НАТО на Восток, к российским границам, причем инициатором этого марша выступила объединенная Германия, ради дружбы с которой горбачевский СССР принес самые тяжелые геостратегические жертвы.

– По соседству с Россией начались “цветные революции”, когда при открытой помощи Запада к власти пришли наиболее русофобские политические элементы.

– США денонсировали договор по ПРО, закреплявший единственно воз-

можный в ядерный век принцип безопасности: кто выстрелит первым, умрет вторым.

– Вашингтон принялся выстраивать систему противоракетной обороны, которая должна предотвратить вероятный “удар возмездия”. Но в сегодняшнем мире неуязвимость одного означает беззащитность всех остальных. Ныне идет речь о том, чтобы вынести элементы передового базирования этой системы непосредственно к западным рубежам России. Аргумент: “Речь только о 10 антиракетах!” – не убеждает. Там, где сегодня стоят десять, завтра могут стоять сто. Гонка вооружений выходит в космос.

Одновременно на Западе стали распространяться теории относительно “неправомерности” оставления богатств земных недр в собственности тех стран, где они находятся. Пошли разговоры о том, что пора “разукрупнить” занимающие большое пространство государства, поскольку они-де являются “пережитками прошлого”. Всерьез рассуждают о том, как “лучше” разделить Россию – наряду с отдельными Западной и Восточной Сибирью, а также Дальним Востоком планируется натрое расколоть и европейскую часть страны. Могут сказать: “Это всего лишь научные изыскания”. Но не стоит забывать о том, что подобными “научными изысканиями” мостилась дорога к Бресту и нацизму.

Продолжавший традиции Бреста германский политик задолго до того, как раздался первый выстрел Второй мировой войны, сформулировал так называемый “политический завет германской нации”: “Никогда не смиряй-

тись с возникновением двух континентальных держав в Европе. Расценивайте любую попытку организовать у германских границ вторую военную державу – пусть даже только в форме создания государства, способного стать военной державой – как агрессию про-

тив Германии и усматривайте в этом не только право, но и долг всеми средствами, вплоть до применения вооруженной силы, воспрепятствовать появлению такого государства, а если оно уже появилось, снова разгромить его”⁵.

Стиль ужасающий, но смысл ясен и до оторопи напоминает высказывания американских неоконсерваторов (а теперь уже и тексты докладов ЦРУ). Только европейский масштаб рассуждений “фюрера” переделан на глобальный – вот и все.

Призрак бродит по Европе (вариант: по земному шару), призрак Бреста. К этому обстоятельству нужно относиться серьезно.

По счастью, российская общественность и официальные круги после некоторых раздумий поняли это и делают соответствующие практические выводы.

Повода для паники нет, но заставить колесо истории покатиться по иной, по мирной колее может лишь сжатая в единый кулак воля российской нации и здравомыслящих людей в ведущих странах мира.

Примечания

- ¹ *Hümmert L.* Zwischen München und St.Petersburg. Bayerisch-russische Beziehungen und Begegnungen von 1779 bis 1918. München, 1977. S. 133–134.
- ² Цит. по: *März P.* Der Erste Weltkrieg. Deutschland zwischen dem langen 19. Jahrhundert und dem kurzem 20. Jahrhundert. Stamsried, 2004. S. 198–199.
- ³ *Brödrich-Kuhrmalen S.* Das neue Ostland. Berlin, o. D., Bayerisches Historisches Staatsarchiv. Abteilung IV Kriegsarchiv. 1916. M Kr 13872.
- ⁴ *Lezius F.* Deutschland und der Osten. Königsberg, o. D., Bayerisches Historisches Staatsarchiv. Abteilung IV Kriegsarchiv. 1916. M Kr 13873.
- ⁵ *Hitler A.* Mein Kampf. 1930. S. 723–724.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru